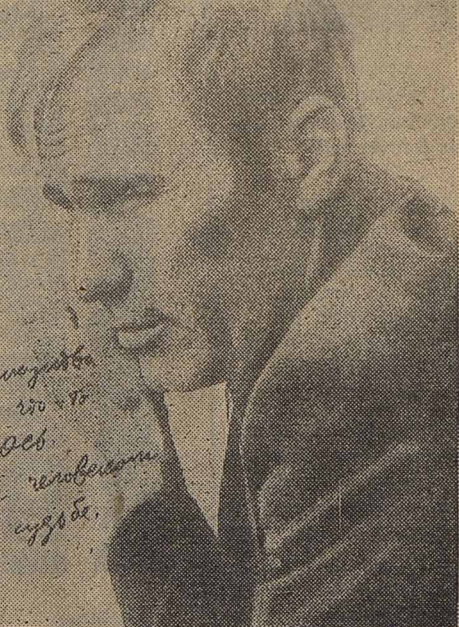

В народе оставаться самим собой

Лит. Россия. — 1994. — 29 июля. — С. 5.

К 65-летию
со дня рождения
В. М. Шукшина

Изображение человека
это когда
спускается
в жизнь, с человеком
в тесной
судьбе.

В ИСТОРИЮ современной литературы Шукшин вошел как продолжатель традиций русской классики, как художник-мыслитель, проникший в тайны национального бытия, глубины русской души и исторического прошлого России. Происходящий сегодня грабеж ее, разгул уголовщины, проникновение «блатарской» морали в умы людей — все это вызывает ощущение разнузданного шабаша, о котором предупреждал в прошлом веке Достоевский, а в наше время — Шукшин.

Вспомним бесовскую вакханалию, изображенную писателем в повестке «До третьих петухов». В одной из сцен там рассказывается об осаде старинного православного монастыря распоясавшейся оравой чертей. Говоря об этой невесте откуда взявшейся напасти, медведь Михайло Иванович сокрушается: «Бабенок всяких рже-ных подпускают, вино наливают — сбивают с толку. Такой тарарам навели на округу — завязывая глаза и беги. Страсть что творится, пропадает живая душа. Я вот курить возле них научился... Нет жителя никакого... Подумал, подумал — нет, думаю, надо уходить, а то вино научусь пить... Раз два напивался уже».

Черти, расположившиеся возле монастыря, творили меж тем «вялый бедлам». Кто отбивал копытцами четку, кто тасовал карты и жонглировал черепами, а кто сидел вокруг коньяка с закусками. Михайло Иванович предупреждает героя сказки Ивана: «Эти похуже Горыныча будут... Забудешь, куда идешь. Все на свете забудешь. Ну и охальное же племя! На ходу подметки рвут. Оглянуться не успеешь, а ты уже на поводке у них — захомутали».

Когда Мудрец задает одному из чертей вопрос о цели захвата монастыря, то получает четкий ответ: «Разрушение примитива... Ну тошно же смотреть. Одни рясы чего стоят... Неужели не ясно, что они безнадежно отстали?» Мудрец приходит к заключению, что здесь следует говорить о «влиянии крайне бесовских тенденций на некоторые устоявшиеся нормы морали».

Эти «крайне бесовские тенденции» расцветают после захвата монастыря, когда черти устраивают развеселый шабаш с песнями и переплясом. Монахи же, изгнанные из своей обители, сами того не желая, начинают в такт подергивать плечами и легонько пристукивать ногами. Иван тоже не заметил, как стал подергиваться и притоптывать, словно зуд его какой охватил. В этот момент из монастыря выходит изящный черт и предлагает «переписать» иконы, заменив святых на чертей.

Пораженные столь кощунственным предложением, монахи кидаются на изящного черта с намерением побить его, но тот резко скрывается в монастыре за каменными стенами и оттуда начинает ругать мужиков: «Какие вы все же... грубые... Невоспитанные. Воспитывать да воспитывать вас... Дикари. Пошехонь. Ничего, мы за вас теперь возьмемся».

Прототипы чертей, изображенных Шукшиным, и впрямь взялись за дело в реальной жизни: порушили границы между добром и злом, правдой и ложью. А там, где нет границ, можно вытворять что угодно.

Все это Шукшин знал и показывал в своих рассказах на непритязательном обыденно-бытовом материале.

В рассказе «Крепкий мужик» колхозный бригадир Николай Шурыгин, одержимый жадной геростратовой

славы, сваливает с помощью трех тракторов старинную церковь, не смотря на протесты сельчан, собственной жены и родной матери. Когда после этого «подвига» он вечером возвращается домой и просит жену сбежать к местной продавщице за бутылкой, та в сердцах отвечает: «Пошел к черту! Он теперь дружок тебе». Мать Шурыгина, сокрушаясь, тоже упрекает сына: «Кто тебя счас-то подталкивал — рушить ее? Кто? Дьявол зудил руки... Погоди, тебя ишо сама власть взгреет за это». Однако ничто на него не действует. Гордый содеянным, он смотрит на ребяташек, копающихся у разваленной церкви, и думает: «Вырастут, будут помнить: при нас церковь свалили... Будут своим детишкам рассказывать».

В другом рассказе В. Шукшина — «Мой зять украл машину дров» — Лизавета Васильевна, теща Вени Зяблочного, спекулирующая на своем прошлом и живущая за счет зятя-труженика, угрожает засадить его в тюрьму, т. е. поступить так же, как и с его предшественником, первым мужем своей дочери. Пытается засадить в тюрьму своего мужа и другая героиня Шукшина — в рассказе «Страдания молодого Ваганова» — и поступает так лишь потому, что намерена в отсутствие мужа сойтись с любовником, отбив его у законной жены. Размышляя об этой агрессивности, Шукшин незадолго до смерти писал, что надвигается эпоха великого наступления «бесовства»: «И в первых рядах этой страшной армии — женщины. Это грустно, но так».

Тем не менее бесовство встречает у героев Шукшина решительное сопротивление. Его проза и кинодраматургия, как и вся русская классика, проникнуты «таинственной властью духа» (выражение И. А. Ильина). Шукшину удалось создать то, что под силу лишь незаурядному таланту: он открыл новый художественный тип, небывалого в литературе героя — чудика. В мировой литературе был образ чудака. Это Дон Кихот Сервантеса, мистер Пиквик Диккенса, князь Мышкин и Алеша Карамазов Достоевского. Однако шукшинский чудик отличается от них не просто детскостью, но русской детскостью, которая включает в себя такие свойства национального характера, как простодушие, непосредственность, свежесть мировосприятия и способность изумляться самым простым вещам.

Шукшинские чудики воплощают веками выработавшиеся в народной среде нравственные ценности, которые, по словам самого Шукшина, не подлежат пересмотру. Именно они лежат в основе тех заповедей, которые народ отчеканил в четкие афоризмы: жить по правде, работать на совесть, жить для души.

Однако жизнь оказывается вовсе не такой благой, как это представляется «светлым душам». И когда они сталкиваются с жестокостью, ненавистью, то теряются, приходят в отчаяние, недоумевая, отчего люди так злы, отчего они не могут быть счастливы и радоваться жизни.

Василий Князев, открывший галерею «чудиков» в творчестве писателя, оказывается в той же нравственно-психологической ситуации, в которой когда-то находился у Достоевского князь Мышкин. Парадоксальность ситуации в том, что нормальный, в высшей степени порядочный человек вынужден чувствовать себя аномальным, белой вороной, не от мира сего. Его вынуждают оправдываться в своем добросердечии, в стремлении нести людям красоту и радость.

В мире, где все ставится с ног на

голову, где извращаются и мистифицируются взаимоотношения людей и вещей, человек, сохраняющий душу, чувствует себя исключением из правила, а его человечность рассматривается как комплекс неполноценности, нравственный атавизм. Такова логика бездуховного мира, стремящегося сломить человека, отравить его моральным ядом, заставить отказаться от самого себя. Кроткий чудик пребывает в состоянии психологического вакуума, мучительного душевного отчаяния. Ибо нет ничего страшнее, когда человечность начинает стыдиться самой себя и считать естественной нормой бездушие и жестокость, которые окружающий мир выдает за истинные проявления человеческой природы.

Агрессивность зла, по Шукшину, порождается не в последнюю очередь ощущением собственной неполноценности, психологической необузданностью, которая угрожает всему живому на земле. Таким необузданным существом, одержимым «мстительной немощностью», выступает в «Калине красной» бандит по прозвищу Губошлеп. О нем в сценарии говорится кратко, но выразительно: «Если ему некого будет кусать, он, как змея, будет кусать свой хвост».

Простодушная же ясность и доброжелательность шукшинских чудиков сочетается в них с внутренней твердостью, которая, однако, не имеет ничего общего с упрямством или фанатизмом. Твердость эта духовная и целомудренная и проистекает из желания быть верным себе. «Кроткий человек», — замечал в связи с этим Достоевский, — не мстит, но примириться со злом и сделать хоть малейшую нравственную уступку ему в душе своей он не может».

Более того, именно он воплощает ту громадную силу, которая способна не просто противостоять злу, но и вступить с ним в схватку. Таким героем в «Калине красной» оказывается деревенский шофер Петро, мужик, по словам автора, медлительный, на редкость спокойный, весь налитый «свинцовой, разящей силой». И не случайно именно он становится в финале носителем возмездия, когда его самосвал настигает «Волгу» с бандитами и, подобно разъяренному быку, смертоносным ударом опрокидывает ее.

В сущности Шукшин здесь приходит к мысли, которую отечественный мыслитель И. А. Ильин выразил в книге «О сопротивлении злу силою». Бывают в жизни ситуации, когда одного нравственного противостояния злу оказывается недостаточно, когда необходимо давать ему «планомерный и организованный отпор». Ибо в противном случае непротивление объективно превращается в пособничество злу.

Творчество Шукшина современно в лучшем смысле этого слова потому, что проникнуто светом духовности и надежды. Шукшин еще и еще раз напоминает нам своими рассказами и фильмами, что не хлебом единым жив человек, что материальное благополучие и физическая сытность не могут быть единственной целью и смыслом жизни. Духовность проявляется и в стремлении к совершенству, и, наконец, духовность заключается в вере в бессмертие души человеческой, без чего бытие земное становится «нестественным, немислимым, невыносимым» (Достоевский). Быть духовно развитым — значит почитать предков своих, не просто любить родину, но и чувствовать ответственность за ее судьбу.

Юрий СОХРЯКОВ